

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Соотношение правовых систем (продолжение). Эволюция представлений о содержании «традиционных» доктрин соотношения правовых систем

Нефедов Б.И.*

Появление в конце 50-х, начале 60-х годов прошлого века новой практики заключения СССР так называемых «самоисполнимых» договоров и новых формулировок советского законодательства о преимуществе норм международных договоров над нормами национального права, потребовало критического переосмысления сложившихся в нашей стране представлений о «традиционных» доктринах соотношения международного и внутригосударственного права. Формы взаимодействия правовых систем в ходе регулирования общественных отношений, в частности в нашей стране, оказались намного разнообразнее, чем это предполагалось ранее. Осознание того, что произошло, пришло не сразу, и не ко всем. Появилась группа советских ученых, которая попыталась «втиснуть» новую ситуацию в рамки устоявшейся советской концепции соотношения правовых систем, и выдвинула теорию «трансформации» норм международных договоров в нормы национального права, необоснованно обвиняя тех, кто считал возможным непосредственное применение международно-правовых норм в качестве регуляторов общественных отношений в нашем государстве, в монизме.

---

* Нефедов Борис Иванович – д.ю.н., доцент, проректор Омской юридической академии по научной работе.

В это же время резко увеличивается число «новых» теорий соотношения международного и внутригосударственного права, причем как в России, так и за рубежом. На самом деле практически все они являются не теориями соотношения правовых систем в рамках права как такового, а отражением уже существующей реальной или формально провозглашенной частной практики различных государств по реализации предписаний международных норм.

Ключевые слова: формы взаимодействия правовых систем; теория «трансформации»; радикальный монизм; радикальный дуализм; умеренный дуализм; умеренный монизм; сдержанный дуализм; диалектический дуализм; последовательный дуализм; реалистический дуализм; объективный дуализм; диалектическая концепция; теория «координации».

В конце 50-х, начале 60-х годов сложившимся в нашем государстве представлениям о содержании «традиционных» доктрин соотношения международного и национального права был нанесен удар в виде появления, с одной стороны, новой практики заключения СССР так называемых «самоисполнимых» договоров, а с другой – новых, революционных для советского права того периода, формулировок законодательства. Так, с 1957 г. Советским государством стали заключаться многочисленные договоры о правовой помощи, а с 1976 – соглашения об устранении двойного налогообложения, которые содержали в основном так называемые «самоисполнимые» нормы. В то же время (в 1961 г.) принимаются Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, в ст. 129 которых уже отмечалось то, что если международным договором СССР установлены иные правила, чем те, которые содержатся в гражданском законодательстве нашей страны, то применяться должны правила именно международного договора. Аналогичные положения появляются вслед за этим в Таможенном кодексе СССР 1964 г., Основах законодательства о браке и семье 1968 г., Кодексе торгового мореплавания СССР 1968 г., а также в ряде актов союзных республик – ГК РСФСР, ГПК РСФСР, законодательстве о здравоохранении, о недрах, о нотариате и др. Более того, в Конституции РСФСР 1978 г., в статье 32, было закреплено, что «обще-признанные международные нормы, относящиеся к правам человека,

имеют преимущество перед законами Российской Федерации и непосредственно порождают права и обязанности граждан Российской Федерации»¹.

В указанных договорах и нормативных актах просматривались «кошунственные» идеи о возможностях выступления международно-правовых норм в качестве непосредственных регуляторов общественных отношений в СССР, возникновения прямых коллизий между требованиями норм международных договоров и национального права и решения таких коллизий в пользу международно-правовых норм. По мнению многих, новые формулировки законодательства устанавливали «примат» международного права над национальным правом, а значит, не могли рассматриваться иначе как отступление от советского (дуалистического) подхода и переход на монистические позиции, что долгое время до этого рассматривалось в отечественной науке чуть ли не как предательство.

Все это потребовало критического переосмысления сложившихся в нашей стране фундаментальных подходов к соотношению международного и внутригосударственного права, в том числе к сформировавшейся советской доктрине их соотношения. Не сразу было осознано, что новое в договорной и законодательной практике нашего государства совсем не отрицало дуалистического характера соотношения международного и внутригосударственного права в целом. Оно только показало, что формы взаимодействия правовых систем в ходе регулирования общественных отношений, в частности в нашей стране, оказались намного разнообразнее, чем это предполагалось ранее.

Следует признать, что советская теория права во многом оказалась не готовой к объяснению нового феномена правовой действительности, тем более, что ранее примеры обращения к международным договорам (не говоря уже о «самоисполнимых» договорах) были крайне редки и носили скорее характер исключения, чем правила². Существование трансграничных отношений в определенной мере до этого игнорировалось³. Большинство ученых вообще рассматривало трансграничные отношения как внутригосударственные отношения, в крайнем случае, как их разновидность. Но ведь именно для регулирования не внутригосударственных, а трансграничных отношений и заключались указанные

«самоисполнимые» договоры, да и новые формулировки в законодательстве были связаны в первую очередь именно с их появлением и были направлены на разрешение коллизий именно между «самоисполнимыми» нормами и нормами национального права.

Одна группа советских ученых (Е.Т. Усенко, В.Г. Буткевич, С.В. Черниченко, А.В. Василенко, А.Л. Маковский и др.) попыталась «втиснуть» новую ситуацию в рамки устоявшейся советской концепции соотношения правовых систем. По их мнению, ни о каком непосредственном регулировании нормами международных договоров общественных отношений в СССР не могло быть и речи и выполнение соответствующих международных обязательств нашим государством становилось возможным лишь после «трансформации» (преобразования) таких норм во внутреннее право страны⁴. Ее сторонники фактически пошли по пути отрицания факта существования «самоисполнимых» норм международных договоров СССР, а новые формулировки в законодательстве нашей страны рассматривали как неверно понятые или ошибочно сформулированные⁵.

Другие ученые (И.П. Блищенко, Н.В. Миронов, Г.В. Игнатенко, Р.А. Мюллерсон, Г.И. Курдюков и др.) исходили из прямо противоположного тезиса. Опираясь на договорную практику и законодательные формулировки нашего государства, они столь же категорично заявляли о способности самих международно-правовых норм выступать в качестве непосредственных регуляторов соответствующих общественных отношений в СССР, т.е. наделяния самими ими правами и обязанностями субъектов регулируемых отношений. Они также настаивали на возможности применения самих договорных норм судами и другими правоприменительными органами нашего государства.

Конечно же, одним из аргументов сторонников теории трансформации в споре с ее противниками стал тезис о том, что каждый, кто считает возможным непосредственное регулирование нормами международных договоров общественных отношений в СССР, является сторонником монизма⁶.

Однако монизм и дуализм, по крайней мере, в том виде как они были формализованы в рамках «традиционных» теоретических концепций, различаются совсем не этим. Монизм стоит на той позиции, что международное право и национальное право в рамках права как такового образуют единую правовую систему. Суть монистического подхода

заключается в отрицании относительно самостоятельного характера международного и национального права, рассмотрении их как объединенных друг с другом и составляющих некое единое правовое поле, в рамках которого и то и другое право должны перестать существовать как самостоятельные конструкции. В качестве современного примера такого подхода приведем мнение Ю.А. Тихомирова, который считает, что уже сегодня «можно вести речь о формировании общей системы права в пределах мирового сообщества, включающей общие принципы права, базовые отрасли, характерные для всех стран (конституционное, гражданское, административное, уголовное право) и международное публичное право – общую часть. Система внутреннего права может охватывать особенную часть международного публичного права и международного частного права наравне с другими отраслями»⁷.

В описываемой ситуации никакого «слияния» международного права и внутригосударственного права в единую правовую систему не происходит. Каждое право продолжает регулирование «собственных» общественных отношений (международное право – межгосударственных, а национальное право – внутригосударственных). Когда же речь идет о совместном регулировании нормами международного и национального права общественных отношений в нашем государстве, то имеется в виду, прежде всего, особый вид таких отношений, который существенно отличается и от межгосударственных и от внутригосударственных отношений, и которые мы называем трансграничными отношениями⁸.

Несмотря на подобное взаимодействие между собой международного и внутригосударственного права, их нормы остаются нормами «своей» правовой системы, у них остаются «собственные» источники права и т.д. Саму возможность регулирования нормами международных договоров отдельных общественных отношений в нашем государстве следует рассматривать только как одну из форм такого взаимодействия. Кроме того, практика по реализации предписаний международных норм одного государства еще не создает общего правила. Именно поэтому абсолютное большинство противников теории трансформации совершенно справедливо считали и считают себя в вопросе соотношения правовых систем дуалистами.

Во многом причиной неутихающей дискуссии между сторонниками и противниками теории трансформации как раз является то, что

те и другие фактически исходят из того, что существует только два вида общественных отношений: межгосударственные и внутригосударственные. В частности, они не видят разницы между внутригосударственными и трансграничными отношениями, фактически считая все регулируемые нормами международных договоров общественные отношения в нашей стране внутригосударственными⁹. Правовая же природа трансграничных отношений несколько иная. Они тем и отличаются от внутригосударственных отношений, что имеют сложный механизм правового регулирования, участие в котором принимают нормы различных правовых систем.

В России действительно возможно непосредственное регулирование нормами международных договоров общественных отношений. При этом не происходит какого-либо изменения формы и содержания таких норм, их трансформации в нормы внутреннего права, как, впрочем, не происходит и их включения в совокупность правовых норм, образующих национальное право нашего государства.

Следующий шаг в вопросе эволюции представлений о формах взаимодействия международного и внутригосударственного права в практике нашего государства был сделан в начале 90-х годов 20-го века. Этот период был отмечено огромными изменениями во внутренней и внешней политике нашей страны. Происходит крушение социалистического режима и начало строительства демократической России, которая превращается в открытое современное государство, а ее экономика – в часть глобальной экономики. В этих условиях потребовались новые подходы к вопросам правового регулирования и, прежде всего, трансграничных отношений. Теперь уже в Основном законе всей страны – в п. 4 ст. 15 Конституции РФ 1993 г. – было закреплено общее правило о том, что «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Современной истории известны многочисленные примеры, когда нормы международных договоров рассматриваются государствами как регуляторы общественных отношений на их территории. При этом они даже объявляются частью национального права или

национальной правовой системы. Это предусмотрено, например, Конституциями США (ст. 6), Аргентины (ст. 31), Болгарии (ст. 5), Венесуэлы (ст. 128), Египта (ст. 151), Киргизии (ст. 12), Литвы (ст. 138), Нидерландов (ст. 93), Румынии (ст. 10), Швейцарии (ст. 113), Югославии (ст. 124), Японии (ст. 98) и др.¹⁰

Известны также случаи, когда тот же подход предусмотрен в отношении не норм международных договоров, а обычных норм международного права. Таковы, например, Конституционные положения Австрии (ст. 9), Венгрии (ст. 7), Ирландии (ст. 29), Сомали (ст. 19), Узбекистана (Преамбула), Эстонии (ст.3).

Россия (в числе небольшого круга государств) пошла дальше. В ней в качестве таких регуляторов общественных отношений, в соответствии с п. 4 ст. 125 Конституции, выступают и нормы международных договоров, и обычные нормы международного права. Более того, теперь уже в Основном законе нашей страны было признано существование общего приоритета норм международного «договорного» права над соответствующими нормами внутреннего права в случае их коллизий.

Принятое на основе Конституции новое российское законодательство также добавило аргументов против сторонников теории трансформации. Достаточно привести формулировку п. 3 ст. 5 Федерального закона РФ «О международных договорах Российской Федерации» 1995 г.: «Положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно»¹¹.

Вряд ли можно признать убедительным объяснение этой формулировки С. В. Черниченко, который по этому поводу пишет: «Выражения «непосредственное действие», «непосредственное применение» международных договоров, когда имеются в виду внутригосударственная сфера и регулирование внутригосударственных отношений, нельзя признать точными, поскольку это объективно невозможно... Просто во внутригосударственной сфере появляются в результате «переадресовки» правила, внешне повторяющие гипотезы и диспозиции международно-правовых норм, но уже применительно к субъектам внутригосударственного права»¹². Но если в результате «трансформации»

у самоисполнимых норм возникают «двойники» в российском законодательстве, то эти российские нормы должны иметь какую-то форму существования, свои источники. Тогда где же эти формы официального бытия таких норм? Их нет.

Пытаясь объяснить этот парадокс, в рамках теории трансформации стали появляться и совсем уж экзотические теории «сложносистемного» состава таких норм, в основе которого лежит тезис о том, что отсылка – это форма, а норма международного договора – содержание «новой» правовой нормы. Так, по мнению А. Ботиффоля и П. Лагарде, непосредственно в регулирующей норме объединяются два элемента – рациональный элемент, содержащийся в норме иностранного права, и императивный элемент, содержащийся в отечественной коллизионной норме¹³. С ними фактически перекликается В.Л. Толстых, который считает, что «в результате взаимодействия отсылки и нормы международного права создается норма отечественного права, одни элементы которой образованы отсылкой, а другие – нормой международного права»¹⁴.

В то же время, при анализе сложившейся ситуации следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, которое, по мнению многих ученых, также свидетельствует об эволюции представлений о «традиционных» доктринах соотношения правовых систем, или их «современном» прочтении, хотя таковыми не являются. Речь идет о все новых и новых теориях соотношения международного и внутригосударственного права, появляющихся как в России, так и за рубежом. На сегодня в этой области известны концепции «радикального монизма» и «радикального дуализма», «умеренного дуализма» и «умеренного монизма», «сдержанного дуализма» и «диалектического дуализма», «последовательного дуализма» и «реалистического дуализма», «объективного дуализма» и «диалектическая» концепция, теория «координации» и т.д. Причем сами эти доктрины в своих аспектах зачастую настолько тесно переплетаются друг с другом, что отличить, где из них какая в рамках конкретного исследования часто оказывается довольно сложно. Мало того, приверженность той или иной концепции чаще всего декларируется или приписывается тем или иным авторам независимо от того, как они сами себя позиционируют.

Самое любопытное, что все эти новые теории, при всем их противоречии друг другу и кажущейся несовместимости, подтверждаются международной практикой. Дело в том, что почти все они на самом деле являются не теориями соотношения правовых систем в рамках права как такового, а отражением уже существующей реальной или формально провозглашенной частной практики различных государств по реализации предписаний международных норм.

Так, согласно концепции «радикального монизма» международное право и национальное право образуют единую правовую систему с приматом международного права. Действительно, в соответствии, скажем, со ст. 91 Конституции Нидерландов «любое положение международного договора, вступающее в противоречие с Конституцией, подлежит одобрению большинством не менее чем в две трети голосов¹⁵ депутатов Генеральных штатов». Отсюда следует вывод о том, что «договоры, инкорпорированные во внутреннее право Королевства, превалируют над внутренним правом (включая Конституцию)»¹⁶.

Согласно концепции «радикального дуализма» (к которой тесно примыкают «последовательные дуалисты») международное право регулирует только межгосударственные отношения и не может регулировать внутригосударственные и трансграничные отношения. Действительно, в странах Северной Европы, например, общепризнанные принципы международного права и нормы заключаемых договоров не могут выступать в качестве непосредственных регуляторов общественных отношений, а должны обязательно быть имплементированы в текущее законодательство. Поэтому существующая практика в этих государствах исходит из того, что одновременно с направлением на ратификацию в парламент международного договора правительство передает в него и соответствующие законопроекты, осуществляющие по-статейную инкорпорацию международных договоров в национальное законодательство. В Конституции Израиля также провозглашается, что международный договор действует во внутреннем праве только в силу закона (ст. 108). Схожая ситуация и в ЮАР. В результате возможность прямой коллизии национального законодательства и международных договоров исключается, так как сами по себе и нормы международных договоров, и обычные нормы международного права не имеет в этих государствах непосредственной силы.

«Умеренные дуалисты» (по С.В. Черниченко¹⁷) допускают возможность непосредственного наделения нормами международных

договоров правами и обязанностями индивидов и юридических лиц, т.е. (по их мнению) – международной правосубъектностью. Действительно, ст. 25 Основного закона ФРГ, например, предусматривает, что общие нормы международного права «непосредственно порождают права и обязанности для жителей федеральной территории».

«Сдержанный дуализм» исходит из того, что нормы международного права и национального законодательства могут регулировать одни и те же общественные отношения и коллидировать друг с другом. Это соответствует, например, практике в США, где федеральные законы и международные договоры находятся на одном уровне в иерархии источников национального права. При этом, в соответствии с принципом *lex posterior derogat legi priori*, из двух актов, регулирующих один и тот же предмет, преимущество будет пользоваться более поздний. А в соответствии со ст. 55 Конституции Франции «международные договоры... имеют силу, превышающую силу законов».

В основе «умеренного монизма» лежит тезис о том, что международный договор является не только источником международного права, но и может быть обязательным «внутри» государства. Это соответствует практике Бельгии, Голландии, Франции, США и Швейцарии, где национальное законодательство объявляет международные договоры частью права страны.

Согласно «диалектической концепции» нормы международного права, обязательные для государства, и его внутреннее право создают единую правовую систему, относящуюся к данному государству. Это подтверждается, например, практикой Испании, статья 96 Конституции которой прямо указывает на то, что «законно заключенные и официально опубликованные в Испании международные договоры составляют часть ее внутреннего законодательства». Пункт 1 ст. 28 Конституции Греции также гласит, что «общепризнанные нормы международного права, а также международные договоры с момента их санкционирования при помощи закона и вступления в силу, согласно положениям самого договора, являются частью национального права Греции и имеют преимущество перед законами, противоречащими им».

«Диалектический дуализм» исходит из того, что международный договор может регулировать отношения в государстве, но это происходит не автоматически, а в результате дозволения государства. И такой подход подтверждается, например, пунктом 2 статьи 8 Конституция Португалии 1976 г., в котором говорится, что: «Нормы международных

договоров, ратифицированные или одобренные должным образом, вступают в силу после официальной публикации, и их выполнение становится обязательным для Португальского государства». В Конституции Чешской Республики, в ст. 10, устанавливается, что ратифицированные и промульгированные международные соглашения относительно прав человека и фундаментальных свобод немедленно вступают в силу и имеют верховенство по отношению к закону. Аналогичные положения имеются в конституциях Испании (ст. 10), Казахстана (ст. 3), Словакии (ст. 11).

Теория «согласования» или «дружеского отношения к международному праву» исходит из того, что в случае коллизии норм международного права и национального законодательства, вопрос решается на основе толкования нормы национального права в соответствии с требованиями международно-правовой нормы. Действительно, ст. 10 Конституции Италии определяет: «Правовой порядок Италии согласуется с общепризнанными нормами международного права». Аналогичные формулировки содержатся в ст. 9 Конституции Австрии и в ст. 7 Конституции Испании. В Германии обычное международное право признается правом страны, а к договорным нормам относятся также исходя из принципа «дружественного подхода к международному праву». Так в случае коллизии с договорными нормами последующий закон не отменяет правило положений договора, если последнее может рассматриваться, например, как специальное для данного случая, которое законодатель не имел намерения отменить¹⁸.

Отсюда следуют три важных вывода:

1. Поскольку в современном мире не существует единого механизма реализации предписаний международных норм в рамках национальных правовых систем, и каждое государство решает эту проблему самостоятельно, то и таких «теорий соотношения правовых систем» может быть очень много. Ведь выбор той или иной схемы такой реализации «зависит от особенностей национального развития конкретной страны, ее исторических традиций, существующего в ней уровня правосознания и правовой культуры, разработанности ее законодательства, а также наличия разветвленной системы институционных органов, готовых и способных обеспечить реализацию международно-правовых предписаний на практике»¹⁹.

2. Разнообразие механизма реализации требований международно-правовых норм в государствах еще раз подтверждает дуалистический

характер соотношения международного и внутригосударственного права, тот факт, что никакой единой системы они в рамках права как такового не образуют. Даже в тех государствах, где нормы международных договоров допускаются в качестве непосредственных регуляторов общественных отношений, они не могут регулировать вопросы, отнесенные, например, к внутренним делам государства. В свою очередь и нормы национального права не становятся полноправным регулятором межгосударственных отношений. Что же говорить о тех странах, в которых такой допуск вообще отсутствует.

3. Все эти теории на самом деле имеют весьма отдаленное отношение к «традиционным» концепциям соотношения правовых систем, хотя и используют одну и ту же терминологию монизма и дуализма. Тут мы сталкиваемся с ситуацией, о которой мы уже говорили: с попыткой перенесения признаков индивидуального, т.е. того, что и выделяет данный предмет именно как индивидуальное, на общее, что недопустимо. Конкретная практика отдельных государств не есть всеобщая практика. Одна из форм взаимодействия правовых систем, существующая (и то не везде) в рамках регулирования только части общественных отношений не может определять их общее соотношение. Это – два разных вопроса.

Здесь есть и еще один аспект. Критика теоретических концепций есть закономерность любой недогматической науки. Однако критика этих «новых теорий соотношения международного и внутригосударственного права» вряд ли возможна, поскольку, по существу, это будет одновременно критикой практики конкретных государств. Критиковать эти теории – то же самое, что рассуждать, например, о преимуществах перед другими той или иной правовой семьи.

О новом подходе к соотношению правовых систем заявляют и сторонники новомодной «интегративной концепция правопонимания», к которым можно отнести В.В. Ершова²⁰, В.В. Ершова²¹, Е.А. Ершову²² и др.

Суть этой концепция – в предполагаемой возможности создания нового типа восприятия и определения права на основе «синтеза» уже существующих классических концепций правопонимания. То есть «синтеза» нормативной, естественно-правовой, социологической, исторической и других теорий права. Отличие подходов этой концепции от ситуации со слонем заключается в том, что все мудрецы были согласны между собой в вопросе о сущности исследуемого

объекта, в том, что это – животное. Поэтому в результате компилирования их определений действительно можно было бы сформулировать признаки, позволяющие произвести достаточно точную идентификацию этого травоядного. Интегративная же концепция пытается объединить (осуществить синтез) теорий, у которых нет общего понимания сущности исследуемого. Более того, объединяемые подходы к правопониманию являются взаимоисключающими. Не случайно ни в одной работе сторонников этой концепции мы не встретим определения понятия права как венца интегративной теории. Все умозаключения заканчиваются на уровне рассуждения о необходимости создания такого единого определения. Как только любой из них пытается пойти дальше и дать «интегративное» определение понятия права, его ждет фиаско, ибо он вольно или невольно вынужден будет «присоединиться» к одной из синтезируемых взаимоисключающих концепций и тем самым поставить себя в оппозицию всем остальным. Немаловажно и то обстоятельство, что при подобном синтезе указанных концепций в значительной степени теряется и их ценность. Иными словами, эта теория не выдерживает испытания практикой. Поэтому в данном случае мы имеем дело с красивой, но с несбыточной идеей, теоретически необоснованной, а практически несостоятельной. Ошибочные подходы приводят сторонников интегративной концепции и к соответствующим выводам. Они отрицают факт существования как международного, так и национального права, объявляют разграничение разнотипных правовых систем между собой «искусственным и теоретически спорным»²³.

По нашему глубокому убеждению, право как таковое – это совокупность правовых систем, но не единая универсальная правовая система. Право состоит из взаимосвязанных и взаимодействующих, но самостоятельных элементов, первичные из которых – национальные правовые системы и международное право. Общими для них являются регулятивный характер содержащихся в них норм, тесная связь этих норм с государственной волей, принципиальное единство понятийного аппарата и другие факторы, которые, тем не менее, не влекут за собой нивелирование их различий. Поэтому, говоря о праве в целом, речь следует вести не о системе права, а о его структуре.

Во многих государствах формируются и вторичные элементы права. К таковым, в частности, относятся межсистемные образования, направленные на урегулирование того или иного вида трансграничных отношений.

В заключение этой статьи отметим следующее. Фундаментальные вопросы соотношения международного и внутригосударственного регулирования общественных отношений всегда будут актуальны, пока существует право и правовые системы, пока существуют различные типы общественных отношений и пока возникают идеи существования единых, универсальных, мировых или глобальных правовых систем. Поэтому нам трудно согласиться с тем, что научный спор относительно соотношения международного и национального права в настоящее время теряет свое значение или свелся до уровня юридической схоластики²⁴.

Думается, что сегодня, в эпоху глобализма, будут продолжать происходить дальнейшие коррективы наших представлений как о «традиционных» доктринах соотношения международного и национального права, так и о формах взаимодействия правовых систем в ходе регулирования общественных отношений, в том числе – в рамках соответствующей практики конкретных государств. И Россия здесь не исключение.

Ratio of Legal Systems (cont.) The evolution of Ideas about the Content of the “Traditional” Doctrines on the Ratio of Legal Systems

(Summary)

Boris I. Nefedov*

The emergence in the late 50’s and early 60’s of the previous century of the new practice of the adoption by the USSR so-called “self-executing” treaties and of new definitions of the Soviet legislation about the superiority of the International treaties over national law, required critical rethinking of prevailing perceptions in our country of the “traditional” doctrine of the ratio of international and domestic law. Forms of interaction of legal systems in the regulation of social relations, in particular in our country, were much more diverse than previously thought to be. The realization of what had happened did not come immediately, and not to everyone. There was a group of Soviet scientists, who tried to “squeeze” a new situation within the framework of the Soviet concept of the relation of legal systems, and put forward a theory of “transformation” of international treaties into domestic law rules, unreasonably blaming those, who thought it possible the direct application of international law as a regulator of social relations in our country in monism.

At the same time the number of “new” theories of the ratio of international and domestic law dramatically increases, both in Russia and abroad. In fact, almost all of them are not theories of relationships within the legal systems of law as such, but a reflection of an existing real or formally proclaimed by the private practice of different countries to implement the provisions of international law.

Keywords: forms of interaction of legal systems; the theory of “transformation”; the radical monism; the radical dualism; the moderate dualism; the moderate monism; the discreet dualism; the dialectical dualism; the consistent dualism; the realistic dualism; the objective dualism; the dialectical concept of the theory of “coordination”.

---

* Boris I. Nefedov – Doctor of Law, assistant professor, Vice Provost for Research of the Omsk Academy of Law.

¹ Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15, ст. 407. Это положение было закреплено и в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой в ноябре 1991 г. Верховным Советом РСФСР.

² См.: Верешетин В. С., Даниленко Г. М., Мюллерсон Р. А. Конституционная реформа в СССР и международное право // Сов. гос-во и право. 1990. № 5. С. 13.

³ Единственным признаваемым межсистемным образованием было Международное частное право, которое преподавалось для ограниченного круга и только в двух ВУЗах страны – МГИМО и МГУ. В советские времена даже «Иньюрколлегия» (основанное в Москве в 1937 году подразделение Министерства иностранных дел СССР), занимавшееся, в том числе, вопросами получения наследства гражданами СССР от граждан иных государств, работала на «чужой» правовой базе.

⁴ При этом среди сторонников теории «трансформации» международно-правовых норм во внутригосударственные нормы так и не сформировалось единого мнения ни по поводу характера такой трансформации, ни по поводу ее объема.

⁵ Критику теории «трансформации» см. подробнее: Межсистемные надотраслевые образования в праве: монография / Б. И. Нефедов. Омск. 2008. С. 39-50.

⁶ Так, С. В. Черниченко утверждает, что «монизм С. Ю. Марочкина и В. В. Гаврилова заключается в том, что они признают возможность прямого действия норм международного права в сфере регулирования внутригосударственных отношений», поэтому их позиция и «представляет собой разновидность монизма независимого от того, как они сами на это смотрят». См., напр.: Черниченко С. В. Вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права как правовых систем // Правоведение. 2009. № 1. С. 11-12 ; Курс международного права : учебник / Толстых В. Л. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 210 и др.

⁷ Тихомиров Ю. А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права // Журнал рос. права. 2002. № 11. С. 8.

⁸ Они же – международные немежгосударственные отношения. Они же – внутригосударственные отношения с иностранным элементом. Они же – транснациональные отношения и т.д. См. подробнее: Нефедов Б.И. Триптих. Межсистемные образования в праве // Евразийский юридический журнал. 2012. № 8, № 9, № 10.

⁹ При этом они аргументируют свою позицию примерами не внутригосударственных отношений (в их чистом виде), а отношений именно транснациональных.

¹⁰ Здесь и далее тексты конституций приводятся по GA.J. International Law and Comparative Law.

¹¹ О международных договорах Российской Федерации : федер. закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29, ст. 2757.

¹² Международное право / под ред. А. А. Ковалева, С. В. Черниченко. М., 2007. С. 106-107, 102-103.

¹³ См.: Batiffol H., Lagarde P. Droit international prive. Paris, 1993. Т. 1. 8 edition. P. 529-530.

¹⁴ Курс международного права: учебник / В. Л. Толстых. М.: Волтерс Клувер. 2009. С. 212.

¹⁵ Такое большинство требуется для внесения изменений в Конституцию.

¹⁶ Expression of Consent by States to Be Bound by a Treaty: Analytical Report and Country Reports. Part 2: Country Reports. Netherlands.

¹⁷ См.: Черниченко С. В. Теория международного права : в 2 т. М. : НИМП, 1999. Т. 2: Старые и новые теоретические проблемы. С. 337.

¹⁸ См.: Международное право. Общая часть : учебник / под ред. И. И. Лукашука. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Бек, 2000. С. 236.

¹⁹ Гаврилов В. В. Место и роль международного права в правовой системе Великобритании // Правоведение. 2008. № 4. С. 209.

²⁰ См.: Ершов В. В. Международное и внутригосударственное право с позиций легизма и интегративного понимания права // Рос. правосудие. 2011. № 8. С. 5-25.

²¹ См.: Ершов В.В. Юридическая природа общих и гражданско-правовых принципов: дис...канд. юрид. наук. М., 2009.

²² См.: Ершов В. В., Ершова Е. А. Источники и формы арбитражного и гражданского процессуального права с позиции легизма и интегративного правопонимания // Рос. правосудие. 2012. № 6. С. 22-27.

²³ Ершов В. В. Современные дискуссионные теоретические и практические проблемы международного и внутригосударственного права // Международное и внутригосударственное право в условиях глобализации: проблемы теории и практики : материалы междунар. науч. конф. 25-28 апр. 2011 г. М. : РАП, 2012. С. 23.

²⁴ См., например: Браво Л.Ф. Применение международного права в правовом порядке европейских стран //Российский Ежегодник международного права. 1995. СПб., 1996. С. 131. Denza E. The relationship between international and national law // International Law . Edited by Malcolm D. Evans. Second edition. 2006. P. 429 и др.